

Марина
СЕРОВА

Принцип неверности

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Принцип неверности

«ЭКСМО»

2014

Серова М. С.

Принцип неверности / М. С. Серова — «Эксмо»,
2014 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-699-70001-1

В небольшой городок на гастроли приезжает очередная «фанерная звездочка» – молодой певец Макс Хрыкин, и директор арт-агентства просит профессионального телохранителя Евгению Охотникову защитить артиста. Якобы из достоверных источников стало известно, что на Макса готовятся нападения. Приступив к исполнению своих обязанностей, Женя вскоре понимает: покушения действительно начались. Но... все они – какие-то странные. Причем поведение и продюсера, и начальника службы безопасности певца тоже вызывает удивление. Евгении предстоит решить следующие задачи: сберечь жизнь юному дарованию и разобраться во всех этих несуразностях... «Достоверные источники» самой Евгении Охотниковой и ее собственная женская интуиция подсказывают: дело тут гораздо сложнее, чем кажется, ведь смерть подстерегает ее клиента буквально на каждом шагу, даже в собственной гримерной...

ISBN 978-5-699-70001-1

© Серова М. С., 2014

© Эксмо, 2014

Марина Серова

Принцип неверности

Сквозь сон я слышала, как звонит телефон. Но подходить к нему не было ни сил, ни желания. Последнее дело вымотало меня до такой степени, что у меня было только одно желание – выспаться. В полудреме я слышала, как тетя Мила сняла трубку и начала с кем-то приглушенно разговаривать. Я скорее по привычке, чем осознанно, прислушалась, но хитрая тетушка, видимо, не желая меня беспокоить, плотно закрыла дверь в мою комнату. Я попыталась заставить себя встать, интуитивно чувствуя, что телефон звонил по мою душу. Но мозг, чуть ли не впервые в моей жизни, быстро нашел спасительную лазейку. «Пусть будет так, что звонят не мне, а якобы тете Миле. В конце концов, у нее тоже есть подружки, приятельницы, знакомые. Если бы звонили мне, – продолжал уговаривать мозг, – тетушка всенепременно разбудила бы меня». Последний аргумент, который привело мое подсознание, оказался самым весомым: дайте человеку поспать! Вы не желаете щадить его – человека – физическую оболочку, так пожалейте хотя бы его душевное состояние. С этим и тысячами мыслей я вновь провалилась в сон.

Сколько я спала – не знаю, но проснулась совершенно отдохнувшей. В теле еще расплывалась сладкая истома, но организм требовал деятельности. Бросив взгляд на настенные часы, висевшие над дверью, я быстро отметила, что время пробежки я бессовестно проспала. Однако это ровным счетом ничего не значило. Как говорится, лучше поздно, чем никогда. И потом, никто не давал мне права расслабляться и нарушать давно установленный распорядок дня. Не помню, кто из великих сказал, на мой взгляд, просто замечательную фразу: «Не позволяй душе лениться». Одно дело – дать заслуженный отдых измученному организму, другое дело – если это становится нормой и вредит работе. Поэтому я быстро надела спортивный костюм, повязала на голову бандану и открыла дверь комнаты. Из кухни пахло какими-то вкусностями. Тетя Мила, как всегда, колдовала у плиты.

– Доброе утро, тетушка, – поздоровалась я.

Тетя вздрогнула, выронила лопаточку и обернулась.

– Фу, Женя, как ты меня напугала! – произнесла она. – Сколько раз я тебя просила не подкрадываться ко мне сзади, как леопард. Так недолго и до инфаркта довести.

– Да я не подкрадываюсь, – пожалала я плечами. – Просто у меня такая походка. Я же не виновата, что, когда ты готовишь, сосредотачиваешься настолько, что ничего вокруг себя не видишь и не слышишь.

– Общение человека с пищей, – тетя Мила заговорила назидательным тоном, – это самое интимное действие на свете. И совсем неважно, в чем это общение выражается, в приготовлении или в еде. Кстати, а куда это ты собралась в такое время?

– Как это «куда»? – удивилась я. – На пробежку. Я, конечно, проспала немного, но...

– Женечка, – тетушка посмотрела на меня слегка испуганно, – а «немного» – это, по-твоему, сколько?

Вопрос тети не то что бы поставил меня в тупик, скорее озадачил. На улице было достаточно светло, часы показывали начало десятого, значит, я проспала от силы три часа. Зная мои привычки, тетушка не могла этого не понимать. Тогда почему она спрашивает об этом, да еще округляет глаза?

– Тетя, у тебя все в порядке? – осторожно поинтересовалась я.

– У меня полный порядок, – испуг тети Милы сменился озабоченностью, – а вот с тобой происходит что-то неладное.

Это утверждение поставило меня в тупик. Кто-то из нас двоих явно помутился рассудком. За себя я была уверена, тогда остается тетя. Но как ей об этом сказать? Нельзя же прямо

в лоб брякнуть: мол, тетя Мила, я тебя очень люблю, но ты, похоже, тронулась умом. Ты не беспокойся, я тебя не брошу и любить за это меньше не стану.

– Тетя, – как можно мягче и тщательно подбирая слова, произнесла я, – ты точно уверена, что у тебя все в порядке?

Тетушка продолжала смотреть на меня озабоченно, потом, видимо, ей пришла в голову какая-то спасительная мысль. Она улыбнулась и еще раз посмотрела на часы.

– Все-таки, Женечка, тебе необходимо выйти замуж.

Это была излюбленная тема разговора тети Милы. У нее идея фикс – выдать меня замуж.

– При чем здесь это?

– При том, что муж не позволил бы тебе работать на износ и ты никогда не перепутала бы день с ночью.

Выпалив это одним духом, тетя Мила торжествующе повернулась к своим кастрюлькам. Пришла моя очередь удивляться.

– Ты хочешь сказать, что сейчас начало десятого вечера?!

– Вот именно. Ты, Женечка, проспала двенадцать часов подряд! Утром пришла уставшая, грязная и прямо с порога залезла в душ. Я хотела тебя покормить, но ты даже слушать меня не пожелала, напрямик направилась в спальню. Рухнула на кровать и проспала все это время как убитая.

Тетино сообщение показалось мне невероятным. Я, конечно, слышала, что сильно уставший человек может перепутать день с ночью, но что такое когда-либо случится со мной – верила с трудом. На всякий случай я включила телевизор. Передавали вечерний выпуск новостей. Получалось, что тетя Мила была права.

– Ну что? – торжествующе спросила тетушка. – Убедилась? Я давно говорю, что тебе необходимо обзавестись семьей и бросить свою работу. Неженское это дело!

– Тетя, не начинай, – отмахнулась я и направилась к входной двери. Раз получилось так, что я проспала утро и весь день, пробежка будет вечерней.

Вернулась я примерно через час и застала тетю Милу за ее любимым занятием – просмотром очередного выпуска «Дом-2». Откровенно говоря, меня всегда удивляло, как можно смотреть эту передачу. Никакого смысла. Любой «мыльный» сериал по сравнению с этой дребеденью – высокоинтеллектуальное произведение искусства. Одна только физиономия «светской львицы» Ксюши Собчак чего стоит! Уж если она при этом и рот начинает открывать, тогда вообще туши свет.

– У подопечных Собчак произошло что-нибудь новенькое? – поинтересовалась я мимоходом.

Тетя Мила, зная мое отношение к этой программе, поджала губы.

– Ты напрасно иронизируешь, Женя, – сухо заявила тетя. – «Дом-2» помогает мне лучше понять современную молодежь. В частности, тебя.

Зная, что спорить с тетушкой на эту тему бесполезно, я достала из шкафа махровый халат и отправилась в ванную. Теплый душ, как всегда, оказал на меня тонизирующее действие. К тому же проснулся зверский аппетит. Я вдруг вспомнила, что несколько дней питалась исключительно бутербродами весьма сомнительного качества. Выйдя из душа, я подошла к сидевшей в кресле тете и ласково обняла ее за плечи сзади:

– А меня кормить сегодня будут?

– Ой, Женечка, – забеспокоилась тетя Мила, – прости меня, пожалуйста, я совсем забыла. Эти истории такие интересные, что про все на свете забываю.

Пока тетя накрывала на стол, я вспомнила про телефонный звонок. Правда, после того, как выяснилось, что я умудрилась перепутать день с ночью, у меня не было твердой уверенности, что этот звонок мне не приснился. На всякий случай я осторожно поинтересовалась у тети Милы:

– Никто не звонил, пока я спала?

Тетушка замерла перед открытым холодильником, потом медленно обернулась. По ее лицу я сразу же поняла, что телефонный звонок мне не приснился, а тетушка в данный момент мужественно борется с соблазном не говорить мне о нем. Из этого я сделала вывод, что разговор касался меня. Она уже было открыла рот, чтобы ответить, но я решила подстраховаться. Для этого я напустила на себя строгость и внушительно проговорила:

– Тетя, только не вздумай от меня что-нибудь скрывать! Я все равно узнаю правду.

Тетушка обреченно вздохнула:

– Я не хотела тебе ничего говорить. Ты ведь знаешь, как я отношусь к твоему увлечению, то есть, я хотела сказать, к работе. Ничего хорошего в этом, на мой взгляд, нет и быть не может. Подумала, что ты спишь и ничего не узнаешь...

– Тетя, давай ближе к теме. Кто звонил и что говорил?

Тетя опять вздохнула и повернулась к холодильнику.

– Звонила секретарша какого-то Арчирова. Сказала, что у него к тебе срочное дело. Я ответила, что тебя нет дома. Тогда она попросила перезвонить этому самому Арчирову, как только ты появишься. Оставила номер мобильного телефона. Вот только я не помню, куда засунула бумажку, на которую его записала.

Зная тетушку, я прекрасно понимала, что она все хорошо помнит. Просто не хочет, чтобы я немедленно кинулась звонить кому бы то ни было, забыв про еду. Фамилия Арчиров мне ровным счетом ни о чем не говорила. Я слышала ее впервые. Но если звонил не он лично, а его секретарь, значит, это какой-то начальник, из чего можно сделать логический вывод, что мне опять предстоит работа. По-видимому, тетя это тоже понимала и потому всеми правдами и неправдами пыталась потянуть время.

– Тетя, – стараясь говорить убедительно, попросила я, – обещаю тебе, что никуда не уйду, пока не поем твоих вкусностей. Только отдай бумажку с телефоном, я тебя очень прошу.

Тетя на минуту задумалась. Перспектива того, что я опять буду занята работой, нравилась ей меньше всего. Однако, зная мой характер, тетя Мила понимала, что остановить меня трудно. Да что там трудно – невозможно! Поэтому, вздохнув в третий раз, она поставила на стол салаты и ушла в комнату. Я слышала, как она что-то недовольно ворчит себе под нос, роясь в своей вазочке, куда прячет от меня опасные бумажки, наивно полагая, что я об этом не знаю. Чтобы не обижать мою добрую тетю Милу, я на протяжении многих лет делаю вид, что даже не догадываюсь об этой ее хитрости.

Через пару минут она вошла в кухню и, не глядя мне в глаза, протянула половинку тетрадного листка, на котором было написано: «Арчиров Илья Семенович, директор арт-агентства «Овация-95», просил срочно позвонить в любое время». Далее следовал номер мобильного телефона. Недолго думая, я быстро набрала его на своем мобильнике и принялась ждать ответа.

У господина Арчирова вместо гудков была установлена какая-то незамысловатая поп-мелодия. Впрочем, теперь это стало модным, а директору агентства, которое, насколько мне было известно, устраивает гастроли всякого рода знаменитостей в нашем городе, сам бог велел вместо гудков поставить музыку. Своего рода визитная карточка. Интересно, какую бы мелодию установить мне вместо гудков на свой мобильник, чтобы сразу же становилось понятно, что набрали номер телохранителя?

Когда музыка заиграла по третьему кругу и я приготовилась нажать отмену вызова, мне наконец-то ответил недовольный мужской голос:

– Слушаю вас...

– Могу я поговорить с господином Арчировым? – бодрым голосом поинтересовалась я.

– Вы с ним уже говорите, – буркнула трубка. – С кем, кстати говоря, имею честь общаться?

Судя по тону, мой звонок либо разбудил директора арт-агентства, либо оторвал его от каких-то важных дел.

– Вы просили перезвонить вам в любое время. Вернее, не вы лично, а ваш секретарь. Моя фамилия Охотникова. Евгения Максимовна Охотникова.

На том конце наступила «мхатовская» пауза, по окончании которой голос Арчинова диаметрально изменился и в тембре, и в интонациях.

– Евгения Максимовна, какая удача, что вы мне позвонили, – радостно донеслось до меня из динамика. – Вы даже не представляете, как вы, с вашим опытом, нужны нашему агентству! Когда вы сможете подъехать к нам? Необходимо переговорить по очень важному и чрезвычайно срочному делу.

– Насколько я понимаю, вы хотите нанять меня в качестве телохранителя?

– Приезжайте в офис, и мы обо всем договоримся, – уклонился от прямого ответа Арчинов. – Это не телефонный разговор. Я буду ждать вас завтра в десять утра. Вы знаете, где расположено наше агентство?

– Если честно, не имею ни малейшего понятия. Кстати, а что за спешка и секретность? Вы могли бы хоть вкратце объяснить, что от меня требуется?

– Евгения Максимовна, дорогая, я бы с удовольствием встретился с вами прямо сейчас, но я, к сожалению, очень и очень занят. Умоляю вас, приезжайте завтра в десять утра в офис, и мы обо всем с вами договоримся.

Арчинов говорил доброжелательно и почти радостно, но в голосе его все же чувствовалась некоторая напряженность и нервозность, перемешанные с раздражением. Невольно создавалось ощущение, что директору арт-агентства что-то или кто-то мешает говорить свободно. Едва я успела об этом подумать, как отчетливо услышала в трубке капризный девичий голосок:

– Пупсик, ну когда это прекратится? Ты же совершенно не отдыхаешь от работы.

Мне стало понятно, чем таким «очень-очень занят» господин Арчинов. Впрочем, меня это несколько не касалось. В конце концов, каждый отдыхает от трудов праведных в силу своих возможностей, способностей и фантазии.

– Хорошо, Илья Семенович, я приду завтра к вам в офис. Диктуйте адрес.

– Мы находимся в старом городе, – затараторил Арчинов, – напротив городского управления милиции. Знаете, там есть такое старинное здание из красного кирпича... перестань, зайка, ты мне мешаешь. Я уже заканчиваю. Алло, Евгения Максимовна, это я не вам про зайку. Так вот, в этом здании мы занимаем весь второй этаж. Охраннику на первом этаже скажите, что вам в двести одиннадцатый офис, это мой кабинет, зайка, прекрати капризничать, у меня страшно важный разговор, сейчас я его закончу и займусь тобой, Евгения Максимовна, это я опять не вам, так вот, двести одиннадцатый офис. Жду вас к десяти часам. Если меня не будет на месте, подождите немного. Договорились?

Всю эту тираду Арчинов выпалил на одном дыхании, практически без единой паузы. Я догадалась, что Арчинов действительно «страшно» занят с далеко не страшной сотрудницей. Ну, или с претенденткой на какое-то место в его агентстве. Мешать ему не только не входило в мои планы, а просто не хотелось. Все-таки потенциальный клиент, который, как известно, всегда прав. Поэтому я поспешила закончить разговор:

– Я все поняла, Илья Семенович, буду завтра, ровно в десять утра, – но от соблазна съязвить не удержалась: – Привет зайке!

После чего тут же отключилась. Итак, меня желали нанять на работу в агентство по устройству гастролей под многообещающим названием «Овация-95». Насколько мне было известно, об этой околотеатральной организации в нашей тарасовской прессе никогда и ничего не писали. То есть вообще ничего: ни плохого, ни хорошего. А еще я знала, что практически все гастроли знаменитостей, проходившие в Тарасове в последние десять-пятнадцать лет, организовывались этой самой «Овацией-95». По крайней мере, так было написано в афишах.

Конечно, имеет смысл поискать информацию об агентстве в Интернете. Но почему-то у меня была уверенность, что я там вряд ли что-то найду. Какое-то оно скромное, это арт-агентство.

Пока я разговаривала по телефону и обдумывала, где бы подсобрать информацию о будущем клиенте, тетя Мила накрыла на стол и теперь осторожно заглядывала в комнату. Видимо, пыталась определить, убегу ли я немедленно или все-таки сначала поем.

– Не переживай, тетушка, – улыбаясь, повернулась я к ней. – Сегодня я весь вечер с тобой. Мало того, я даже ночевать буду дома.

– Правда, Женечка? – так и просветлела тетя Мила. – Я так рада, ты даже представить себе не можешь.

Как мало, оказывается, надо моей добрейшей тетке для счастья! Впрочем, до конца сделать ее счастливой я вряд ли решусь, поскольку обзаводиться семьей, по крайней мере в ближайшие лет пять, в мои планы никак не входит. Увы, но свобода и независимость мне, как это ни прискорбно звучит для тетушкиного слуха, значительно дороже. Хотя тетю Милу я очень люблю и стараюсь не огорчать без нужды.

После ужина, который был, как всегда, великолепен, я ради приличия посидела часок перед телевизором и даже сделала попытку поддержать разговор. Заметив, что тетя Мила мужественно пытается скрыть уже, по-видимому, не первый зевок, я вежливо пожелала ей спокойной ночи и ушла в свою комнату.

Утром я встала, как обычно, – в шесть утра. Вчерашнее невольное нарушение распорядка, кажется, пошло мне на пользу. Я чувствовала себя вполне отдохнувшей и готовой к новой работе. Когда я вернулась с утренней пробежки, из кухни приятно пахло свежесваренным кофе и тостами. Справедливости ради надо заметить, что несколько дней вынужденного поста требовали чего-то более существенного.

– Тетя Мила, – крикнула я, выходя из ванной, – поджарь мне яичницу с беконом! Или омлет.

– Женечка, ты что, надолго уходишь? – выглянула из кухни тетя Мила с тряпкой в руке.

– С чего ты взяла? – удивилась я. – Просто захотелось чего-то более существенного, чем тосты и кофе.

– Конечно-конечно, – засуетилась тетушка. Что-что, а уж накормить кого-нибудь моя тетушка просто обожает.

Пока она готовила дополнение к моему обычному утреннему меню, я решила полазить в Интернете. Все-таки интересно было бы узнать, что представляют собой это арт-агентство «Овация-95» и его директор господин Арчилов.

Как я вчера и предполагала, информации в Интернете нашлось немного. Агентство основано в тысяча девятьсот девяносто пятом году как арт-студия. Основное направление – организация и проведение различных гастролей. Спустя пять лет студия была преобразована в агентство. Из всех подобных тарасовских фирм «Овация-95» – наиболее успешная и популярная среди больших и малых звезд эстрады, кино и театра нашей страны. Отзывы всех, кому доводилось сотрудничать с этой фирмой, самые восторженные. Ни в каких махинациях не замечена, с законом в ладах, благополучно пережила все экономические потрясения. На сегодняшний день это самая процветающая, из всех ей подобных, организация, с устойчивым положением и солидной репутацией. Короче говоря, вся такая белая и пушистая фирмочка, без единого темного пятнышка. Меня это немного насторожило. Не люблю, когда все ровно и гладко.

На всякий случай я покопалась в местной прессе за последние пять лет. Результат опять нулевой. Всего несколько коротеньких заметок. Поразительно, но они практически не тратились на рекламу. И вообще, было такое ощущение, что арт-агентство предпочитает держаться в тени. Удивительная скромность при таком размахе деятельности.

– Женя, – отвлекла меня от размышлений тетушка, – ты куда пропала, завтрак остывает.

Помассировав виски, чтобы отогнать эти мысли, я выключила компьютер и пошла в кухню.

Яичница с беконом была просто объединением. Тетя Мила знает мои вкусы, она все готовила так, как я люблю. В меру прожаренное и в меру острое мясо. Быстро уничтожив завтрак, я посмотрела на часы. До встречи с Арчировым оставалось, с учетом дороги и утренних пробок на улицах Тарасова, часа полтора. Значит, я успею заехать еще в одно место и постараюсь выудить дополнительную информацию об агентстве на уровне слухов. Возможно, здесь мне повезет больше. Допив кофе, я переделалась и вышла на улицу, не забыв чмокнуть на прощание тетку в щеку.

Погода, несмотря на середину мая, была по-летнему жаркой. Я даже пожалела, что надела кожаную куртку с теплой подстежкой. С другой стороны, кто его знает, когда я вернусь домой, а вечером наверняка будет прохладно. Выгнав «Фольксваген» из гаража, я прогрела мотор, закрыла ворота и медленно выехала со двора. До встречи с «паном директором», как я мысленно окрестила Арчирова, мне хотелось встретить своего знакомого, журналиста местной телекомпании. Звали его Олег Котехов.

Познакомились мы с ним случайно. Я охраняла одного местного туза, который отчаянно рвался в городские депутаты и ужасно боялся покушений на свою персону, а Олег делал о нем агитационные репортажи по заданию своей студии. Котехов так трогательно за мной ухаживал, что мое сердце не выдержало. Правда, дальнейшего развития наши отношения не получили. Как выяснилось, мы оба не были созданы для семейной жизни, поскольку каждый из нас любил прежде всего свою работу. К тому же Олег оказался жутким бабником и легко увлекался любой смазливой мордашкой. А я, по его утверждению, единоличница и ужасная собственница. Однако крах этого романа не помешал нам сохранить дружеские отношения. Что, кстати говоря, большая редкость. Я, когда это было необходимо, нещадно эксплуатировала его как журналиста. Его осведомленность обо всех городских сплетнях и слухах иногда здорово помогала мне в работе. На этот раз я очень рассчитывала получить хоть какую-то дополнительную информацию об «Овации-95».

Выбравшись на дорогу, я перестроилась в правый ряд, достала из кармана куртки мобильник, нашла в списке контактов фамилию Олега и нажала на вызов. Котехов ответил после третьего гудка.

– Слушаю тебя, Евгеша, привет, – прозвучал его глуховатый, но, как всегда, радостный голос.

– Привет, Олег! Как твои дела?

– Да, как всегда, – лучше всех. У тебя что-нибудь случилось?

– С чего ты взял? У меня тоже все прекрасно.

– Замуж тебя еще не выдали? – хохотнул Котехов.

– Да кому я такая нужна? Целыми днями в работе, – хмыкнула я, заранее зная его следующую фразу. Это было чем-то наподобие нашего пароля.

– А я тебе говорил: выходи за меня. Самый выгодный был бы союз, – как всегда, нравоучительно проговорил Олег. – Ты – на своей работе, я – на своей. Иногда встречаемся, чтобы выпить по чашечке кофе.

– Почти уговорил, – как актриса в спектакле, подала я свою реплику. – Подумаю на досуге.

– Подумай-подумай, – продолжал резвиться Олег. – А пока выкладывай, что тебе опять понадобилось от скромного труженика эфира.

– Да так, некоторая информашка на уровне сплетен. Мы можем встретиться?

– Женька, я согласен встретиться с тобой в любое другое время, но только не сейчас. Мы выпуск программы монтируем. Шеф злой, как сто чертей. Может, по телефону переговорим?

– Можно и по телефону. Что тебе известно про арт-агентство «Овация-95»?

Олег замолчал на несколько секунд. Мне даже показалось, что он отключился.

– Знаешь, по телефону много не расскажешь, – проговорил он наконец. – Если коротко: фирма надежная, на бабки народ не кидает, свои обязательства выполняет полностью и в срок. Очень дорожит своей репутацией. Если они нанимают тебя на какую-то работу, соглашайся не раздумывая. Зуб даю – кидалова не будет.

– Негусто, – констатировала я разочарованно. – Но и на том спасибо.

– Остальное – чистой воды слухи и домыслы. Если хочешь, я могу скинуть тебе все это на электронку. Но позже.

– Да ладно, не парься. Надо будет, я тебе еще раз позвоню, – придав своему голосу снисходительные нотки, пробурчала я. – Иди, работай спокойно, не буду тебя отвлекать.

Итак, арт-агентство «Овация-95» – идеальная фирма, а ее директор, Илья Семенович Арчиров, просто ангел во плоти. Ну что ж, пора бы мне познакомиться с ним лично.

Дом, в котором находился офис «Овации-95», я нашла быстро. К моему удивлению, никакой таблички, извещающей о том, что в этом здании располагается самое известное в Тарасове агентство по организации гастролей, там не было. Припарковав машину на стоянке, я вошла в здание и сразу же буквально уперлась в столик, за которым сидел охранник. Здоровенный парень, на котором буквально по швам трещала форма. Перед ним лежала газета со сканвордами.

– Как мне попасть в двести одиннадцатый офис? – мило улыбаясь, спросила я парня.

Охранник нехотя оторвался от газеты и недоброжелательно посмотрел на меня. Видимо, у него что-то не клеилось с разгадыванием, а я своим появлением и вопросом сбила его с умной мысли.

– Вы к кому? – пробасил он не слишком-то дружелюбно.

– Мне нужен господин Арчиров, директор арт-агентства «Овация-95». Мы договорились встретиться сегодня в десять утра, – продолжая улыбаться, проворковала я.

– На второй этаж, по коридору налево, там найдете, – морща лоб, процедил здоровяк и опять уставился в сканворд.

Я погасила так и не пригладившуюся улыбку и быстро поднялась наверх. Дверь под номером двести одиннадцать оказалась третьей от входа на этаж. Секретарша, молоденькая девица из тех, которые выполняют функцию красивой картинки перед дверями кабинета шефа, едва услышав мою фамилию, вскочила со своего стула как ошпаренная.

– Где же вы ходите?! – недовольно зашебетала она. – Илья Семенович уже три раза про вас спрашивал. Неужели нельзя быть более пунктуальной?!

Я машинально взглянула на часы. Они показывали без четверти десять. Похоже, девушка не слишком-то хорошо понимала значение слова «пунктуальность». Впрочем, в мои обязанности не входило заниматься с ней ликбезом. Поэтому, не дожидаясь, когда она доложит о моем прибытии, я просто толкнула обитую дерматином дверь и вошла в кабинет Арчирова.

Директор оказался вальяжным и несколько слащавым мужчиной лет сорока с небольшим. Несмотря на полноту, лицо у него было узкое, землистого цвета и с синеватыми мешками под глазами. То ли оттого, что он мало бывает на свежем воздухе, то ли от того образа жизни, который он ведет. В дополнение ко всему у него была абсолютно лысая голова. Отсутствие растительности на ней он, по-видимому, решил компенсировать густой черной бородой и усами в стиле Столыпина.

Когда я, можно сказать, ворвалась к нему в кабинет, Арчиров сидел за огромным столом, на котором имел место далеко не творческий беспорядок, а царил самый обыкновенный бардак, и делал вид, что занят работой. Именно делал, потому что документ, который он держал перед глазами, был перевернут вверх тормашками.

Сам же кабинет больше напоминал комнату в студенческом общежитии после бурной попойки, нежели рабочее место директора престижного арт-агентства. Расклеенные по стенам

афиши только дополняли это сходство. Зато напротив стола Арчирова стояли инкрустированный столик, совершенно новый кожаный диван и пара таких же кресел.

– Вам кого? – сердито пробурчал Арчиров, не отрываясь от «чтения», едва я перешагнула порог.

– По-видимому, вас, господин директор. Я – Охотникова, Евгения Максимовна. Пове-рите на слово или показать документ?

Арчиров мгновенно оживился, бросил бумажку, приветливо протянул в мою сторону руки и даже сделал попытку выбраться из-за стола. Правда, убедившись, что ему это не удастся, тут же прекратил свои усилия.

– Евгения Максимовна, дорогая вы наша, ну наконец-то!

Меня несколько покорило от такой фамильярности, но я смолчала. Мне доводилось работать с богемой, поэтому я знала, что возмущаться бесполезно.

– Проходите, садитесь в кресло, – продолжал басить Арчиров. – Как добрались? Надеюсь, без приключений?

– Спасибо, прекрасно добралась и даже ваш офис нашла быстро, – сдержанно ответила я, усаживаясь в низкое кожаное кресло.

– Чай, кофе? – предложил директор и вдруг заговорщически подмигнул. – А может, коньячку хотите? Или виски?

– Благодарю, с утра не пью, тем более во время работы. А вот от кофе не откажусь.

– Ну, а я, с вашего позволения, все же выпью коньячку. Марина! – позвал он секретаршу, а когда та просунула голову в приоткрытую дверь, приказал: – Сто граммов коньяку и чашку кофе, и поживее.

Откровенно говоря, мне не очень-то нравится, если клиент начинает пить еще до того, как мы обсудим с ним все рабочие моменты, в том числе и мой гонорар. Но иногда с этим приходится мириться. Он ведь клиент, а значит, изначально прав. Главное тут – успеть договориться обо всем до того, как спиртное ударит ему в голову. Поэтому, не дожидаясь, пока принесут коньяк для Арчирова и кофе для меня, я решила брать быка за рога:

– Илья Семенович, – заговорила я решительно, – вы вчера сказали, что у вас ко мне срочное и важное дело, о котором вы можете рассказать только в офисе. Давайте мы сразу же перейдем к нему. К чему тянуть время?

– Дело? – как будто даже удивился руководитель арт-агентства. – Ах да, дело. Значит, так: вы, наверное, знаете, что наше агентство занимается организацией и проведением в Тарасове гастролей столичных знаменитостей. На этом рынке мы работаем уже без малого пятнадцать лет и снискали себе определенную репутацию. Как-то, знаете, все это время обходилось без происшествий и всякого рода накладок. У нас своя служба охраны, кроме того, мы всегда привлекаем полицию – словом, заботимся о безопасности звезд и звездочек. И вдруг такой конфуз... – Директор закатил глаза и сделал страдальческое лицо.

– Илья Семенович, – перебила я его, – давайте поконкретнее. Что за конфуз? С кем он произошел? Или, может быть, только должен произойти?

Арчиров опять сделал серьезное лицо, сообразив, что его пафос и плохо сыгранное горе не произвели на меня должного впечатления.

– К нам на гастроли приезжает Макс Хрыкин, известный поп-исполнитель. Может быть, слышали про него?

Я отрицательно покачала головой. Откровенно говоря, никогда не интересовалась этими выкидышами из фабрики звезд.

– Так вот, – продолжал Арчиров. – Этот самый Хрыкин, говоря между нами, откровенный бездарь. Впрочем, все они в этой попсе – бездари, за редким исключением. Но те хотя бы умеют себя вести, в отличие от него. А Хрыкин – ну полный отморозок. Без году неделя на эстраде, а замашки суперзвезды. Вы даже не представляете, какие он заламывает гонорары за свои

выступления! Но это было бы еще полбеды. Хрыкин запросто может отказаться вообще приехать на гастроли, если его что-то не устроит. Может отказаться выступать в самый последний момент. Я уже не говорю о тех требованиях, которые он выдвигает устроителям его гастролей. Да более известным певцам и в голову не придет требовать то, что может потребовать этот молокосос! И ведь он прекрасно знает, что все это будет выполнено. Потому что Хрыкин – это популярность, это аншлаг, это сбор, это, в конце концов, прибыль.

Дверь в кабинет открылась, и в нее бочком протиснулась секретарша Марина. В одной руке она с трудом удерживала поднос, на котором стояли налитая до краев пузатая коньячная рюмка и чашка кофе, а второй рукой девушка неловко придерживала дверь.

– Чего тебе? – вскинул голову Илья Семенович. – Не видишь, что я занят?

– Я принесла коньяк и кофе, – проблеяла Марина. Судя по всему, своего начальника она боялась как черт лаdana.

При слове «коньяк» Арчиров несколько смягчился.

– Поставь и иди на свое рабочее место, – распорядился он.

Когда Марина вышла из кабинета, Арчиров отпил из рюмки коньяк и продолжил свой рассказ:

– В общем, этот Хрыкин – тот еще фрукт, несмотря на то что ему всего-то лет восемнадцать-девятнадцать. К тому же он самый скандальный из всей попсовой братии. Для него устроить пьяный дебош в ресторане или в гостинице – все равно что для меня высморкаться. Добавьте к этому его жуткую мнительность – и картина маслом готова.

Арчиров снова поднял рюмку, готовясь отпить.

– Все это очень интересно, Илья Семенович, – вставила я слово, пользуясь паузой. – Но пока что я не очень понимаю, к чему вы мне все это рассказываете? Я от вашего шоу-бизнеса очень далека...

– А для того, уважаемая моя Евгения Максимовна, что на этого Хрыкина в нашем городе готовится покушение, – не дав мне договорить, веско произнес Арчиров. – И я хотел бы нанять вас в качестве его телохранителя.

Так, похоже, мы наконец-то добрались до сути проблемы. Меня решили нанять в качестве няньки к взбалмошному юнцу, который ко всему прочему возмнил себя как минимум Полом Маккартни. Но работа есть работа.

– А почему бы ему не отказаться от гастролей у нас, если он так уж боится, что на него здесь совершат покушение? – задала я наивный вопрос, отхлебывая кофе.

Арчиров чуть не поперхнулся коньяком и закашлялся. Когда ему наконец-то удалось справиться с приступом, он посмотрел на меня как на жительницу другой планеты.

– Вы представляете, что вы городите?! – прохрипел Илья Семенович. – Как это – отменить гастроли?! Афиши расклеены по всему городу, все билеты проданы еще неделю тому назад. Я уже не говорю о такой «мелочи», как затраты на рекламу и прессу! Бог с ними, с затратами, убытки мы можем и покрыть, а вот как быть с репутацией агентства?

– Вы уж извините меня, Илья Семенович, – лучезарно улыбаясь, проговорила я, – но я полный профан в тонкостях вашего бизнеса. Просветите меня, тогда, возможно, я и перестану городить ерунду.

Видимо, мое признание в некомпетентности в сфере шоу-бизнеса поставило господина Арчирова в тупик. Во всяком случае, он замолчал с растерянным выражением лица.

– Простите, – проговорил он. – Я как-то этого не учел. Мне казалось, что, если я что-то знаю, значит, и все должны это знать. Действительно, это моя вина. Вкратце все выглядит примерно так: допустим, мы отменяем гастроли Хрыкина по причине того, что на него готовится покушение. Таким образом, нашему агентству придется выплатить определенную неустойку, вернуть деньги зрителям за сданные билеты, но это не самое страшное. Администраторы Хрыкина не преминут явиться в Тарасов и обязательно встретятся с нашей прессой и объяснят

причины отмены концертов. При этом, как вы понимаете, они всю вину свалят на нашу фирму. Кроме того, они обязательно дадут по этому поводу пресс-конференцию в Москве, начнут распускать слухи. Словом, проведут грамотную антирекламу нашего агентства, смысл которой сведется к тому, что мы не выполняем условий контракта в том пункте, где говорится о безопасности приглашенных артистов. И тогда ничто не спасет нас от краха. С нами просто перестанут сотрудничать большинство знаменитостей.

– А что, у Хрыкина нет своей охраны? И вообще, откуда у вас информация о том, что на него готовится покушение? – поинтересовалась я, начиная понимать, что охранять мне придется, конечно же, певца, но платить будет «Овация-95».

– У него не охрана, а целая служба безопасности, – усмехнулся Арчилов, – именно они и сообщили о готовящемся покушении. Только толку от этой службы, боюсь, немного. Хотя я, честно говоря, не вникаю в эти тонкости. Вчера мне позвонил начальник службы безопасности Хрыкина и передал информацию о предстоящем покушении именно в нашем городе. Потребовал дать гарантии, что мы сможем предотвратить его, а заодно настоятельно рекомендовал нанять частного детектива или телохранителя. Вот тогда я и вспомнил про вас.

– Кстати, а откуда вы узнали о моем существовании? Это, конечно, непринципиально, но все же хотелось бы знать источник.

– От Кожана, владельца фотостудии «Джина».

Сергея Кожана я хорошо помнила. Очень милый, воспитанный мужик, многодетный папаша. Уровня личного благосостояния добился исключительно собственным трудом. Работал как проклятый, с утра до вечера, в любую погоду. Как только он скопил достаточно средств, чтобы открыть свою фотостудию, какие-то отморозки потребовали от него такую сумму в валюте, о которой Кожан даже мечтать не мог. Как потом выяснилось, всю операцию организовал его старший сынок. Великовозрастный балбес и тунеядец, нигде и никогда не работавший и не собиравшийся этого делать, зато с удовольствием тративший деньги папочки. Когда все это вскрылось, я не стала передавать Кожана-сына в милицию, решив, что это их внутрисемейное дело.

– Ну что ж, насколько я понимаю, работу мне предоставляете вы, точнее, ваше агентство, а значит, и оплачивать мои услуги будет оно. Правильно?

– Безусловно. Я готов заплатить вам двойной гонорар, только сделайте так, чтобы с Хрыкиным ничего не случилось!

– Для начала мне потребуется информация о тех площадках, где будут проходить выступления Хрыкина, ну и, конечно же, средства на текущие расходы.

– По первому вопросу, многоуважаемая Евгения Максимовна, я вам, к сожалению, не помощник. Я ведь говорил, что Хрыкин – существо капризное и непредсказуемое.

– И что это значит? – удивилась я.

– Никто не знает, где он будет выступать. Это станет известно только в последний момент. Мы даем на выбор несколько залов, Хрыкин и его администратор выбирают из этого списка то, что им подходит, а потом сообщают нам. Это, конечно же, создает определенные неудобства организаторам, но приходится мириться. Звезда, черт бы его побрал. – Арчилов выругался и залпом допил коньяк.

Такой оборот дела поставил меня в тупик. Я, конечно, понимаю, что этот «звездный» Хрыкин может сколько угодно мудрить с организаторами гастролей, это его право. Но пренебрегать собственной безопасностью – это уже перебор. Получается, что он сам стремится к тому, чтобы его шлепнули, что ли?

– И как же я могу вам гарантировать неприкосновенность вашего певца при таких условиях работы? – спросила я.

Арчилов развел руками:

– Это ваша работа, вам и решать. Если боитесь не справиться, можете отказаться. Имеете право. Кстати, что касается вопроса средств на текущие расходы, разрешите поинтересоваться, на какую сумму вы рассчитываете и входит ли она в общую сумму гонорара?

Я задумалась. Не над тем, какую цифру мне озвучить. У меня была твердая такса, и я не собиралась от нее отступать. А вот как быть с гарантией качества выполнения работы, я пока что не знала.

– Вы понимаете, что при таком раскладе даже господь бог не сможет гарантировать безопасность вашего певца? Если этот ваш Хряков, Хрыкин или как там его, сообщит мне, где он изволит выступать, за пять минут до этого, я не успею принять какие-либо меры. Да что там – меры! Я банально не успею осмотреть место предстоящего выступления! А значит, не буду знать, что мне делать в случае нештатной ситуации. Давайте договоримся, Илья Семенович, что о месте, где планируется проводить концерт, я узнаю как минимум за два часа. Этого времени мне хватит хотя бы для того, чтобы можно было сориентироваться на местности.

Арчиров потер лысину, потом разгладил бороду. Выполнив этот ритуал, который, по-видимому, показывал глубокую степень его задумчивости, руководитель «Овации-95» проговорил:

– В принципе, это возможно. Вы уж меня простите, я несколько сгустил краски с этим Хрыкиным. Очень уж он достал меня в прошлом году со своими капризами! Конечно же, мы знаем, где он будет давать концерты. Но, в отличие от других певцов, узнаем об этом за неделю-полторы до того, как он приезжает. Поэтому вначале вывешиваем авизовки, а когда план выступлений подписан, дополнительно расклеиваем афиши. Так что я смогу и вас вовремя проинформировать.

– Это первое условие, – не давая опомниться Арчирову, быстро проговорила я. – Второе будет попроще. Охрана певца не вмешивается в мою работу! Если у них возникнет желание помочь, я не против. Но вмешиваться – не позволю, предупредите, пожалуйста, об этом кого следует.

Толстые губы Арчирова растянулись в язвительной улыбочке.

– Я, конечно, предупрежу, дорогая Евгения Максимовна, но вот что они меня послушаются, гарантировать не могу. У них свои тараканы в головах. Еще есть какие-нибудь вопросы и пожелания?

– Мы не обсудили вопрос вознаграждения за мою работу, – сухо ответила я, мне очень не понравилась его ухмылочка. – Надеюсь, вы знаете, сколько я беру в сутки? Кроме того, текущие расходы, которые не входят в общую сумму гонорара.

Лицо у Арчирова сделалось озабоченным.

– Я финансовыми вопросами не занимаюсь, но постараюсь сделать все возможное, – но, встретившись со мной взглядом, он тут же сменил тон: – Хорошо, сейчас все решим.

Спустя двадцать минут я села в свой «Фольксваген». В сумочке лежали копия договора на оказание услуг телохранителя арт-агентству «Овация-95» и деньги на текущие расходы.

Итак, мне предстояло охранять «звездного мальчика» Макса Хрыкина, который должен гастролировать в Тарасове два дня и дать за это время четыре концерта. До его приезда оставалось два дня, но Арчиров настоял, чтобы я принималась за работу немедленно. При этом он почему-то наотрез отказался сказать, где будут проходить концерты Хрыкина. Зачем ему это понадобилось, я не понимала. Но, как говорится, хозяин – барин. За эти дни я решила попытаться узнать еще что-нибудь новое об арт-агентстве «Овация-95», его директоре и своем будущем подопечном. Решить-то я решила, но вот как сделать это практически? В Интернете об этом агентстве ничего нет. Какие-то сухие данные. Про Хрыкина я рассчитывала узнать больше. Если этот мальчик окончательно «обзвездился», то наверняка пресса пишет о нем

взахлеб. Особенно «желтая». Но для начала надо бы поговорить с Котеховым. Олег – просто кладезь светских и политических сплетен нашего города, если и не всей страны. Впрочем, надо признать, что журналист он профессиональный и непроверенной информации в эфир никогда не даст.

Обо всем этом я размышляла, бесцельно колеся по городу. Иногда это позволяло мне лучше сосредоточиться. На всякий случай, я еще раз набрала мобильный номер Котехова, но телефон был отключен. Скорее всего, Олег сидел в «монтажке» и работал. Домой ехать не хотелось. Я остановилась на тихой улочке, заглушила двигатель, закурила и принялась рассуждать.

Большинство непосвященных в тонкости охранного дела обывателей наивно полагают, что телохранитель не способен думать. В корне неправильное мнение! Когда я работала в ФСО, первое правило, которое нам усиленно вдолбляли в головы, гласило: «Если телохранителю приходится закрывать собою объект, значит, он исправляет допущенные ранее им ошибки и тем самым искупает свою вину». Поэтому я в своей работе предпочитаю выявить и нейтрализовать источник опасности для своего клиента. Хотя нередко приходится, что называется, ложиться грудью на амбразуру.

Я не успела докурить сигарету даже до половины, как зазвонил мобильник. Выкинув окурки в приоткрытое окно, я торопливо вытащила телефон и убедилась, что звонил Олег.

– Да, Олег, слушаю тебя.

– Жека, – как всегда, радостно зарокотал Котехов, – ты не представляешь, как тебе повезло!

– Это в чем, хотела бы я знать? – недовольно пробурчала я.

– Ну, как же? – удивился Олег. – Ты же хотела встретиться и поговорить. Так вот, шеф куда-то смылся, я своих студентов озадачил и теперь совершенно свободен.

– До самой пятницы? – поинтересовалась я.

– До какой пятницы? – не понял меня Котехов. – Пара часов у меня есть, можем встретиться. Я для тебя кое-что нарыл. Если, конечно, тебе еще интересна «Овация-95» и твой вероятный клиент.

– Мне все интересно, что связано с моей работой, – парировала я его выпад. – Где встречаемся?

– Подъезжай к нашей студии. Тут открыли летнее кафе, я тебя там буду ждать.

До телестудии, на которой работал Котехов, езды было минут пятнадцать. С учетом того, что время утренних пробок закончилось, а город я знаю неплохо, добралась я быстро. Олег сидел за столиком рядом с выходом и потягивал пиво. Увидев меня, он широко улыбнулся и поднялся навстречу.

– Ты, Жека, все хорошеешь, – выдал он свой первый комплимент и попытался поцеловать меня в щеку. Я уклонилась от этого и сунула ему под нос кулак. – И несколько не меняешься, – заключил он.

– Давай сразу к делу, – хмуро предложила я, зная, что Олег любит поболтать на совершенно отвлеченные темы, вкрапляя в свой треп зернышки полезной информации. Это на экране он собран, лаконичен и сух.

– К делу, так делу, – согласился Котехов, усаживаясь на свой стул и опять принимаясь за пиво. – Значит, так: агентство «Овация-95» создан давно. Вполне успешно работает на протяжении всего этого времени и ни разу ни в чем не прокололось. Учредителями выступили четверо одноклассников. Причем собрались они по принципу взаимной необходимости.

– Это как? – не поняла я.

– Очень просто. Один окончил консерваторию, работал в нашей филармонии, второй был юристом, третий – экономистом, а четвертый – бандитом. Как видишь, собрались представители всех нужных для процветающего бизнеса специальностей. Поговаривают, что именно поэтому «Овация-95» никогда не знала проблем с правоохранительными органами, местными

«авторитетами», благополучно пережила дефолт и все остальные потрясения. Нынешний ее директор – это «попка». Что ему прикажут, то он и будет делать.

– А где же теперь отцы-основатели «Овации»?

– Как и все успешные люди, перебрались на ПМЖ в столицу нашей Родины, город-герой Москву.

– А что представляет собой господин Арчилов? – машинально поинтересовалась я, понимая, что то, что мне рассказывает Котехов, я не найду ни в одном другом источнике.

– Честно говоря, не знаю, – Олег отхлебнул пива и потянулся за сигаретами. – Абсолютно темная лошадка. Появился как чертик из табакерки. Но, повторяю, он выполняет указания из Москвы. И не приведи господи ему проявить инициативу – съедят и не подавятся. Кстати, если уж ты интересуешься этой фирмой, я догадываюсь, для охраны кого именно они тебя приглашают.

– И кого же?

– Хрыкина! – торжествующе выдал Олег. – Тут и думать нечего. Что, скажешь, не угадал?

– Знаешь, Олег, с тобой иногда ну совершенно неинтересно разговаривать, – как можно равнодушнее проговорила я. – Все-то ты знаешь, обо всем догадываешься.

– Я все-таки журналист, – скромно потупился Котехов. – И, смею думать, не самый худший в нашем городе.

– И что «не самый худший журналист» может рассказать об этом «звездном» мальчике?

Котехов задумался. Потом, вдруг спохватившись, сказал:

– Слушай, я совсем заболтался. Тебе кофе заказать?

– Олежек, – я постаралась придать своему голосу максимум зловещей убедительности, – не пытайся уйти от ответа! Если бы я хотела кофе, то давно бы его сама себе заказала. Колись, что ты знаешь об этом певце, или я за себя не ручаюсь.

– Умеешь ты человека разговорить, Евгеша, – засмеялся он в ответ. – Ладно, слушай. Хрыкин этот – хлыщ еще тот. К тому же еще и сильно пьющий. Не знаю, насколько это правда, но поговаривают, что его не бил только ленивый.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Например, в прошлом году, когда он здесь гастролировал, ему наши тарасовские омонцовцы съездили «в дыню».

– Не может быть! – не поверила я. – Они что, не узнали такую знаменитость, как... Хрыкин?! – в моей реплике была заложена изрядная доля иронии.

– Официальная версия именно так и звучала. А на самом деле он то ли со сцены, то ли за кулисами что-то такое ляпнул в их адрес. Ребята обиделись, и, когда Хрыкин возвращался ко второму концерту, они его не пустили. Хрыкин начал хамить, кинулся на них с кулаками, ну, а парням только этого и надо было. Дали ему по башке и уложили лицом в пол. Чуть концерт не сорвали.

– А что же охрана Хрыкина? – спросила я. – Стояли и смотрели, как его молотят?

– Именно так, – удовлетворенно заявил Олег и допил пиво. – Стояли и смотрели.

В кармане у меня завибрировал мобильник, потом заиграла мелодия. Достав телефон, я сделала знак Котехову молчать и взглянула на дисплей. Номер был мне неизвестен. Нажав на клавишу ответа, я приложила трубку к уху.

– Евгения Максимовна, – раздался взволнованный голос Арчилова. – Вы не представляете, этот непредсказуемый мерзавец Хрыкин продолжает надо мной издеваться! – Похоже, директор был на грани истерики. – Он должен был приехать только послезавтра, и вдруг мне на мобильник звонит его импресарио и продюсер и заявляет, что они уже сидят в поезде и сегодня вечером придут в Тарасов! Что делать, Евгения Максимовна?!

Последние слова он произнес с таким надрывом, что мне его стало жалко, хотя он этого и не заслуживал.

– Успокойтесь, Илья Семенович, не нервничайте, – как можно более доброжелательным тоном сказала я. – Выпейте коньячку и успокойтесь. Сейчас я приеду к вам, и мы вместе решим, как нам быть дальше.

– Что, дела, заботы, занятость? – сочувственно поинтересовался Котехов, когда я закончила разговор.

– Почти угадал. Кстати, хочешь горячую информацию?

– Смотря о чем?

– Сегодня вечером приезжает Макс Хрыкин. И я буду его охранять, потому что его хотят пристрелить в нашем городе. Если тебе это интересно, можешь выдать это в эфир. Только просьба – обо мне ни слова. Проговоришься – пристрелю. Ты меня знаешь!

Олег не успел ничего ответить, я тут же поднялась и быстро вышла из кафе. У Арчирова, судя по голосу, вот-вот могла начаться истерика, надо было спешить.

В кабинет Арчирова я ворвалась словно ураган. Марина только успела тихонько пискнуть что-то протестующее.

Илья Семенович не сидел, а скорее полулежал в своем кресле. На столе стояла почти пустая бутылка коньяка, на блюде валялись обгрызенные лимонные корки. В воздухе тяжело пахло спиртным. Кажется, я напрасно посоветовала ему выпить коньячку. Меры директор агентства явно не знал. Хотя, я в этом уверена, он и без моего совета напился бы.

– Нет, вы только представьте себе, Евгения Максимовна, – принялся он жаловаться, едва увидев меня. Удивительно, но голос у него был спокойным и совершенно трезвым. – Какой негодяй этот Хрыкин и вся его свита! Ведь я их жду послезавтра, а они приезжают сегодня. Я узнал: поезд приходит через четыре с половиной часа.

– И что это означает? Неужели внезапный приезд звезды – такая трагедия? – недовольно ответила я, усаживаясь в кресло.

– Ах да, – вяло махнул Арчиров пухлой рукой. – Я постоянно забываю, что вы ничего не понимаете в шоу-бизнесе. Дело в том, что номера в гостинице забронированы на послезавтра. Пресса, которую Хрыкин просто обожает, ориентирована тоже на послезавтра, девочки из фан-клуба тоже ничего не знают... Словом, его приезда никто не заметит... На перроне его буду встречать только я и, наверное, вы.

– Но, по-моему, это даже к лучшему. По крайней мере, в целях безопасности...

– Это по-вашему, Евгения Максимовна, – резко выпрямился Арчиров. – А вот Хрыкин плевать хотел и на вас, и на вашу безопасность! Ему нужны слава, почет и поклонники его сомнительного таланта. Если этого не будет, он устроит скандал. Вы понимаете, что это значит?

– Во-первых, мало кому удавалось наплевать на меня безнаказанно, а во-вторых, безопасность не моя, а Хрыкина. И если ему на это наплевать...

– Вот именно – наплевать, – чуть не взвыл Арчиров. – Абсолютно наплевать!

– Не закатывайте истерику, Илья Семенович, – строго одернула я директора. – У нас еще есть время. Вы сказали, что гостиница забронирована. Звоните туда и говорите, что обстоятельства изменились и бронь нужна уже сегодня. Заставьте Марину обзвонить все редакции и под большим секретом сообщить, что Хрыкин приезжает сегодня инкогнито. Лучше всего, если эта информация будет выглядеть как эксклюзивная, предназначенная только для этого СМИ. Журналисты падки на подобные сенсации.

По мере того как я говорила, глаза у Арчирова прояснились и взгляд становился все более заинтересованным.

– Что же касается фанатов, я надеюсь, у вас есть телефон этого самого фан-клуба? – Арчиров молча кивнул. – Тогда нет ничего проще. Позвоните туда и скажите, когда должен приехать их кумир. Поверьте, они соберутся на перроне как минимум за час до прибытия поезда.

Арчилов смотрел на меня, как богобоязненный католик смотрит на внезапно явившуюся ему Деву Марию.

– Вы мой спаситель, – прошептал он. – Кожан был прав, когда говорил, что вы можете все! Я немедленно сделаю все, как вы сказали.

Следующие несколько часов Арчилов носился по офису, как угоревшая на пожаре кошка. Вопрос с гостиницей был решен достаточно быстро. С фанатами тоже не было проблем. Зато неувязки с прессой начались буквально с первого звонка. Марина оказалась совершенно никудышным переговорщиком, а тем более актрисой. Арчилов наорал на нее, пообещал выгнать, утопить, расстрелять и бог его знает что еще с ней сотворить. Пришлось вступить за перепуганную девушку.

– Вы, Илья Семенович, напрасно ругаетесь, – сказала я совершенно серьезно, – Марина – самый ценный работник вашей фирмы.

– Вы шутите? – недоверчиво посмотрел на меня Арчилов.

– Отнюдь. Марина никогда не разболтает того, что вы решите сохранить в тайне, а уж тем более не сможет заработать на этой тайне. Во-первых, ей это просто не придет в голову, а во-вторых, она не сумеет договориться с потенциальным покупателем.

При этих словах Марина густо покраснела, по ее щекам потекли крупные слезинки.

– Не переживай, Марина, – попыталась я успокоить секретаршу. – Может, это и к лучшему. Во всяком случае, есть гарантия того, что никогда не сделаешь подлости.

– Я не знаю, что она сделает или не сделает в будущем, но что нам делать сейчас? – завизжал Арчилов. – Кто будет разговаривать с прессой?!

Пришлось мне «садиться на телефон» и сливать эксклюзивную информацию представителям тарасовских СМИ. Разумеется, я врала напрапую, что о внезапном приезде Хрыкина я сообщаю только им, так как это страшная тайна. В двух или трех изданиях мне даже пообещали выплатить энную сумму, если информация подтвердится. Но почему-то, как только я поинтересовалась, когда можно будет получить деньги, мои собеседники сразу же давали отбой.

В этих хлопотах время пролетело незаметно. Когда я закончила и взглянула на часы, то ахнула. До прибытия вечернего московского поезда оставалось немногим больше часа.

Одновременно с этим из кабинета Арчилова слышалась отборнейшая ругань, а следом за этим появился и сам Илья Семенович. Увидев меня, он смутился.

– Правильно говорят: каков поп, таков и приход. Два с лишним часа пытаюсь дозвониться до водителя Хрыкина, телефон отключен. Наконец он соизволил ответить. Говорю ему, что Хрыкин приезжает, чтобы он немедленно подъезжал к нашему офису, а он заявляет мне, что прекрасно обо всем знает и уже едет к вокзалу.

Эта новость заставила меня разинуть от удивления рот.

– Вы хотите сказать, что водитель Хрыкина все это время был в Тарасове?!

– А разве я вам не говорил об этом? Впрочем, это уже не имеет никакого значения, нам пора выезжать. Евгения Максимовна, вы на машине?

На вокзале я убедилась, что наши старания не были напрасными. Перрон был буквально забит толпой хрыкинских поклонников. Вернее было бы сказать, поклонниц, потому что в основном это были девчонки от двенадцати до шестнадцати лет. Чуть в стороне стояли представители прессы. Мы с Арчиловым едва протолкались сквозь эту пеструю галдящую компанию. Московский поезд, согласно расписанию, должен был подойти минут через десять-пятнадцать, у меня было время, чтобы встать примерно там, где, по моим расчетам, должен был остановиться пятый вагон. Арчилов хмуро молчал, у меня тоже не было желания разговаривать. Если этот Хрыкин и в самом деле такой, каким его в один голос описывают Арчилов и Котехов, мне придется попотеть. Один только закидон с приездом чего стоит! Интересно, чего мне ждать от этого певца в следующие два-три дня?

– Как вы полагаете, Евгения Максимовна, – неожиданно нарушил наше молчание Арчи-
ров. – Удастся нам предотвратить эти покушения?

– Вам – не знаю, а для меня это работа. Кстати, в такой толпе напасть на Хрыкина будет
проще всего. И отход не надо планировать, просто смешался с народом – ищи ветра в поле.

– Что вы мне это объясняете, – тяжело вздохнул директор. – Я все прекрасно понимаю.
Вы попытайтесь внушить это Хрыкину и его администраторам!

– Слушайте, Илья Семенович, а с чего вообще начальник его охраны вообразил, что
Хрыкина хотят убить? – решила я несколько сменить тему.

– А вы у него сами спросите, – раздраженно ответил Арчилов и, чуть помедлив, доба-
вил: – Вы думаете, что он со мной делится своими источниками? Как бы не так! Позвонил
и велел обеспечить охрану. С этим Хрыкиным вообще сплошные проблемы. Ни один артист,
даже самый знаменитый, не приносит столько хлопот, сколько эта ошибка природы.

– В каком смысле «ошибка»? – тут же ухватила я за последнюю фразу, но ответить
Арчилов не успел: появился состав.

Поклонницы заметно оживились и, как стадо без вожака и пастуха, заметались по пер-
рону. Журналисты степенно побросали окурки и не торопясь начали занимать удобные пози-
ции. Я тоже не спешила. В данный момент для меня было значительно важнее контролировать
ситуацию, оставаясь незаметной. Если «некто» попытается напасть на Хрыкина прямо на вок-
зале, в чем лично я здорово сомневалась, пусть он считает, что, кроме московской охраны, у
Хрыкина больше никого нет.

Поезд замедлял ход, останавливаясь. Встречающие из простых смертных были отес-
нены фанатками. Девчонки с визгом неслись вдоль вагонов, сметая все на своем пути. Наконец
состав, облегченно вздохнув в последний раз, замер. Проводники открыли двери тамбуров.
Мне с трудом удалось занять место поближе к вагону, в котором должен был приехать Хры-
кин. Однако вопреки всем ожиданиям первыми из него стали выходить обычные пассажиры.
Фанатки волновались и напирали на них всей своей массой, не давая людям выйти. Наконец,
из вагона вышли бегемотоподобные мальчики в темных костюмах и солнцезащитных очках.
Униформа делала их похожими друг на друга, как братьев-близнецов.

Бесцеремонно отпихнув девчонок, они быстро сделали «коридор». Про себя я отметила,
что работают они почти профессионально, но грубо, как омовцы. В образовавшееся про-
странство шагнул мужчина средних лет с благородной сединой. По его внешности и поведе-
нию, по тому, как он огляделся, было видно, что с охранным делом он знаком не понаслышке.
Скорее всего, бывший военный или мент. Обычно они создают всякого рода службы безопас-
ности, при этом свои функции выполняют крайне топорно. Настоящий телохранитель должен
быть незаметным, как тень.

Оглядев привокзальную площадь, собравшихся фанатов и прессу, мужчина удовлетво-
ренно прищурился и кивнул кому-то в вагон. И тут же перрон взорвался таким воплем, что
здание вокзала, по моему мнению, должно было обрушиться. Из вагона вышел сам Макс Хры-
кин.

Не могу сказать, что он произвел на меня какое-то особое впечатление. Встретишь такого
на улице – и не за что взглядом зацепиться: невысокого роста, щупленький, с острым носиком
и большим, как говорят, лягушачьим, ртом. Впрочем, сказав, что Хрыкин был щупленьким, я
ему сильно польстила. Один мой знакомый называл такое телосложение «вешалкоподобным».
Одежда на нем действительно висела. При всем при этом голова была непропорционально
большой. И все-таки какой-то шарм в нем был. Не могу точно сказать какой, но что был – это
точно.

Девчонки-фанатки с визгом, писком и прочими проявлениями чувств изо всех сил пыта-
лись прорваться к своему кумиру, но «бегемотики» свое дело знали туго. Сохраняя строго
определенную дистанцию, они никого не пропускали к Хрыкину. Видимо, у Хрыкина был

четко отработанный протокол, потому что в сопровождении охраны он, едва выйдя из вагона, направился в сторону группы журналистов, попутно позируя перед камерами. Наиболее нетерпеливые поклонницы, отчаявшись лично засвидетельствовать свои восторги Хрыкину, принялись кидать к его ногам букетики цветов с привязанными к ним листочками бумаги. Я двигалась параллельно и внимательно следила за этим цветочным дождем. Рядом с Хрыкиным шли четыре здоровенных охранника, и можно было надеяться, что они успеют прикрыть его в случае нештатной ситуации. А вот цветы... Вообще-то, ничего необычного в них не было. Вполне нормальное явление. Но почему-то в этот раз оно мне не очень нравилось. Возможно, потому, что я знала о готовящемся покушении.

Огромный букет роз, брошенный, очевидно, издалека, взлетел выше всех остальных. Возможно, он не вызвал бы ни у кого из окружающих, включая меня, никаких подозрений, если бы не одно «но». Стебли роз были туго стянуты, и из плотной массы в воздухе вился тонкий, еле заметный дымок. Все происходящее я видела как в замедленном кино. Розы по параболической кривой падали прямо на голову зауценно улыбавшемуся Хрыкину. Его охрана продолжала контролировать только пространство вокруг и в плоскости, не обращала внимания на то, что происходит над ними. Еще несколько секунд – и букет упадет, в лучшем случае, под ноги певца, в худшем – прямо ему на голову. То, что в нем таится какая-то опасность, я не сомневалась ни секунды. Все остальные мои действия можно было бы объяснить чем угодно, кроме осмысленного их выполнения.

Сделав два больших шага вперед, я оттолкнула «бегемотика» с такой силой, что он буквально врезался в толпу окружавших их поклонниц, отдавив, судя по воплям, ноги сразу нескольким девчонкам. Подобно распрямляющейся пружине, я взвилась в воздух навстречу опасному букету. За долю секунды перед моими глазами промелькнули растерянные лица Хрыкина, начальника его службы безопасности и «бегемотиков». В следующее мгновение я коснулась руками колющих стеблей и волейбольным ударом отшвырнула букет в сторону, стараясь, чтобы он отлетел как можно дальше. Каким-то невероятным образом, вывернувшись в воздухе, я приземлилась на Хрыкина, прижав его к земле и стараясь не слишком сильно при этом помять певца. Одновременно с этим я услышала резкий звук взрыва. Заложенное устройство сработало в воздухе. На опеших от моей выходки поклонниц и частично на охранников, замерших в немой сцене, посыпались обломки стеблей и нежные лепестки разнесенных взрывом бутонов роз. По-моему, единственные, кто остался совершенно невозмутимым в этой ситуации, были журналисты, в частности телеоператоры. Они даже не прекратили съемку.

Хрыкин отчаянно барахтался подо мной и пытался что-то сказать. Убедившись, что опасность для него миновала, я отпустила его и поднялась на ноги. Это послужило для охранников сигналом к действию. Один из них схватил меня за руку и попытался завернуть ее за спину. Я не стала сильно сопротивляться. Должны же они показать начальству, что не напрасно получают свою зарплату! И так уже лоханулись с этими цветами.

Между тем Хрыкин, опомнившись от свалившейся на его голову неожиданности в моем лице, принялся скандалить противным визгливым голосом:

– Кто пустил сюда эту ненормальную?! – приплясывая на месте от негодования, заверещала звезда. – Ты, идиотка, кто тебя из дурки выпустил?

– А вы не поняли, что произошло только что? – вежливо поинтересовалась я.

– Все я понял, – продолжал неистовствовать красный как рак Хрыкин. – Несложно догадаться. У вас, в вашем Засратовске, что, модно таким образом гостей встречать?!

– Максим, успокойся, – тихо, но очень веско проговорил седовласый. – Не время сейчас скандалить.

– А вы тоже хороши, – тут же накинулся на него Хрыкин. – За что вам деньги платят, если вы не можете защитить меня от полоумной фанатки?!

Я недовольно поморщилась. Терпеть не могу хамов, даже если они мои клиенты. С трудом сдерживая жгучее желание влепить ему хорошую пощечину, я проговорила:

– Меня зовут Евгения Максимовна Охотникова, директор арт-агентства «Овация-95» нанял меня в качестве телохранителя на время ваших гастролей в Тарасове. Только что я отбросила подальше букет цветов, в который кто-то заложил петарду. Судя по тому, как она разнесла розы, петарда была весьма мощной! Если бы она рванула над вашей головой, думаю, ваши гастроли в нашем городе проходили бы где-нибудь в ожоговом центре или в реанимации.

Мое сообщение заставило Хрыкина замолчать, как будто кто-то выключил радио. Он уставился на меня как на чудо.

– Вы посмотрите на эту мартышку, – непонятно к кому обращаясь, заявил Хрыкин после непродолжительного молчания. – Она, оказывается, еще и разговаривает!

– Макс, прекрати! – повышая голос, проговорил седовласый начальник охраны. – Не тот случай! Она, кстати, поступила правильно. – И, уже обратившись ко мне, он натянуто улыбнулся: – Благодарю вас, коллега.

Сквозь толпу протиснулся взъерошенный, запыхавшийся Арчиров.

– Евгения Максимовна, что случилось?! Кто стрелял?! В кого?! Все целы?! – Он сыпал вопросами с такой скоростью, что никто не успевал не то что бы ответить, но даже понять смысл его вопросов.

– Все в порядке, – ответила я, освобождая руку из лап охранника. – Господина Хрыкина пытались взорвать, но опасность уже миновала.

– Да, – вмешался в разговор седоволосый, – вы наняли неплохого телохранителя. Во всяком случае, реакция у нее превосходная.

– Благодарю, – насмешливо поклонилась я своему «заступнику». – Коль скоро вы оценили мои профессиональные качества, давайте-ка поскорее сворачивать этот цирк и отправляться в гостиницу. Думаю, что подход к прессе и общение с поклонницами придется перенести на более удобное время.

– Это невозможно, – тут же заупрямился Хрыкин. – Люди собрались, чтобы увидеть меня...

– Я настаиваю! – не дала я договорить ему. – Надеюсь, меня поддержит и ваша служба безопасности?

Седоволосый посмотрел на меня в упор, но я совершенно спокойно выдержала его взгляд.

– Делайте, как она говорит, – нехотя выдавил он, отводя глаза в сторону.

«Бегемотики» быстро подхватили Хрыкина под белые руки и буквально волоком потащили его к машине. Толпа фанаток рванула за ними. Я посмотрела им вслед, ощущая какое-то смутное беспокойство. Что-то наигранное было во всем этом спектакле.

– Евгения Максимовна, – отвлек меня Арчиров, – не будете ли столь любезны подвезти меня до гостиницы?

– Поехали. Нам же по пути...

Арчирова я, откровенно говоря, согласилась подвезти не только по доброте душевной, но и с чисто меркантильными целями. Не знаю почему, но поведение седоволосого начальника службы безопасности мне показалось неестественным. Слишком уж спокойно он воспринял попытку покалечить своего «сюзерена». А ведь от того, насколько целым и невредимым пребывает Хрыкин, напрямую зависит не только его финансовое благополучие, но и деловая репутация в целом. Я рассчитывала выкачать хоть какую-то информацию от директора арт-агентства. В конце концов, он общается с этой публикой чаще меня и наверняка знает о них что-нибудь такое-эдакое. Разговор с ним я начала, что называется, в лоб:

– Этот седой – начальник охраны Хрыкина?

– Вы про Вадима? – рассеянно ответил Арчиров, думая о чем-то своем. – Да, только не вздумайте назвать его вслух начальником охраны. Он этого жутко не любит!

– А как же я должна его называть? – удивилась я.

– Начальник СБ, – усмехнулся Арчиров. – Ей-богу, играют, как дети малые.

– Пока что я вижу, что разговоры о возможном покушении на Хрыкина – далеко не бред чьего-то воспаленного сознания. Букет с петардой был брошен вполне профессионально, а самое главное – прицельно.

– Я в этом ничего не понимаю, – отмахнулся Арчиров.

– Зато я понимаю, – веско ответила я. – И поверьте: не меньше, чем вы в своем деле. Кстати, что представляет собой этот Вадим?

– Да я как-то никогда этим не интересовался, – задумчиво проговорил Илья Семенович. – Кажется, он бывший мент или из военных. Его Погорельцов где-то выкопал.

– А кто такой Погорельцов? – тут же спросила я.

– Продюсер и администратор Хрыкина. По сути, он монопольный владелец хрыкинского таланта, – произнося слово «талант», Арчиров насмешливо хмыкнул. – Собственно, он и открыл этого самого Хрыкина, на нашу голову.

– Вы, похоже, не больно-то любите вашего гастролера, – закинула я еще одну удочку в надежде, что директор проболтается о чем-то важном.

– А за что его любить? – Арчиров, несмотря на полноту, резво подпрыгнул на сиденье. – Вы мне объясните, за что я должен его любить?! Вы еще не поняли, что это за фрукт?! Вместо того чтобы поблагодарить вас, он разевает варежку и начинает выделяться! Я бы на вашем месте после такого оскорбления не стал особо усердствовать, охраняя этого хама.

– Ну, вы пока что не на моем месте, – с философским видом заметила я. – Зачем-то же вы пригласили его на гастроли?

– Да кто его приглашал, – проворчал Арчиров, как-то сразу успокоившись. – Позвонил Погорельцов и поставил меня перед фактом, что они начинают тур по Поволжью, и первый город – наш Тарасов. Потом еще один звонок. На Хрыкина готовят покушение, примите дополнительные меры безопасности. Все! Крутись, Илюшка, как хочешь.

– Да, незавидная у вас работенка, – посочувствовала я ему. – Бросить не думали?

Арчиров посмотрел на меня как на сумасшедшую. Я поняла, что этот вопрос ему не понравился. Видимо, у него просто такая натура – кряхтеть, скрипеть, жаловаться на свою судьбину, но, если он когда-нибудь потеряет свою должность, это будет для него огромной трагедией.

За разговором я не заметила, как мы доехали до гостиницы, в которой был снят номер для Хрыкина и его свиты. Про себя я отметила, что приехали мы раньше их. Значит, у меня будет шанс осмотреть номер Хрыкина и, по возможности, предупредить еще какую-нибудь неожиданность.

Арчиров, тяжело сопя, выбрался из машины и направился ко входу. Я припарковала «Фольксваген» на стоянке, поставила его на сигнализацию и тоже пошла к гостинице.

Арчиров, видимо закончив свои дела с дежурным администратором, стоял в вестибюле и нервно крутил в руках связку ключей.

– Какой номер у Хрыкина? – деловито спросила я.

– А что вы собираетесь там делать? – подозрительно глядя на меня, вопросом на вопрос ответил он.

– То, что предписывает мне моя профессия, – убедиться, что он безопасен.

– Вы знаете, Евгения Максимовна, – нерешительно, словно оправдываясь, начал объяснять Арчиров, – этот мальчишка до чертиков суверен. Считает, что таким должен быть любой известный певец. Хрыкин очень не любит, чтобы кто-то заходил в его номер первым.

– Вот что, Илья Семенович, – решительно прервала я директора, – вы поручили мне охранять эту вашу звезду. Правильно? Так вот, свою работу я привыкла выполнять как надо! Я считаю, что после сегодняшнего происшествия на вокзале существует реальная угроза жизни объекту. Поэтому я делаю то, что считаю нужным. А суеверия и вкусы Хрыкина меня в данный момент интересуют меньше всего. Кстати, вы не могли бы наконец-то познакомить меня хотя бы с примерной программой пребывания Хрыкина в нашем городе?

– О чем вы говорите, Евгения Максимовна? – с надрывом проговорил Арчиров. – Какая программа?! Этот мальчишка будет творить все, что ему вздумается, а мне придется трястись, чтобы он не влип в какую-нибудь историю.

– Послушайте, Илья Семенович, – причитания директора начали меня серьезно раздражать, и я решила положить им конец, – вполне возможно, что я не слишком-то хорошо разбираюсь в тонкостях вашего бизнеса, но не надо считать меня полной идиоткой! Любый актер, приезжающий на гастроли в чужой город, должен предоставить план своих выступлений и более или менее четкую программу своего пребывания в этом городе. Возможно, это простая формальность, но без нее гастроли просто не состоятся. Городские власти запросто могут их запретить. Поправьте меня, если я в чем-то ошиблась.

По мере того как я говорила, Арчиров мрачнел все больше. По-видимому, ему не очень-то понравилась моя осведомленность в вопросах организации гастролей.

– Хорошо, – выдавил он наконец. – Я покажу вам ту программу, которую прислал мне Погорельцов. Но учтите: не факт, что она будет выполняться.

– Вы мне покажите ее, – ласково ответила я. – А там уже – мои проблемы, будет она выполняться или нет.

Арчиров обиженно засопел и полез в свой портфель. Порывшись в нем, он достал несколько листков с машинописным текстом и, не глядя на меня, сунул их мне в руки.

– И ключи от номера, в котором будет жить Хрыкин, – напомнила я. Директор, продолжая сохранять недовольное выражение лица, протянул мне ключ с биркой, на которой был выбит номер «1256».

Пока лифт поднимал меня на двенадцатый этаж, я быстренько просмотрела, чем кроме, собственно, пения собирался заниматься господин Хрыкин в эти несколько дней. В общем-то, Арчиров был недалек от истины, говоря, что вряд ли программа будет строго выполняться. Как-то с трудом верилось, что Хрыкин пойдет осматривать тарасовские достопримечательности. А вот что касалось прощального банкета, то здесь и к гадалке ходить не пришлось бы. Кстати, в программе были указаны оба концертных зала, в которых должны были пройти выступления. Первый концерт планировался в Доме культуры «Электронщик». Если мне не изменяла память, это был хороший зал, но находился он далековато от центра города. Странно, что Хрыкин согласился на это. Хотя он мог банально не знать, где находится зал.

Зато вторая площадка была довольно-таки престижной – КЦ «Центральный», бывший кинотеатр «Красноармеец». Тоже большой зал, расположенный в самом центре города. Ну что ж, это уже кое-что. Завтра же осмотрю оба зала. А пока что надо убедиться, что в номере моего клиента не ожидается никаких сюрпризов. Кстати, по приезду в гостиницу у него запланирован мини-брифинг, так что у меня еще куча времени, чтобы осмотреть номер. Правда, осматривать его придется чисто визуально, поскольку из-за этой внезапности и непредсказуемости я не смогла съездить домой и взять аппаратуру для выявления «жучков». Да и потом, я почему-то была уверена, что вся эта кутерьма затевалась исключительно в рекламных целях. Есть у наших звездочек наподобие Хрыкина такой трюк. Чтобы поднять свою популярность, они устраивают какой-нибудь скандалчик. И обязательно чтобы попасть на страницы прессы.

Номер оказался люксовым, двухкомнатным, с видом на Волгу. Беглый осмотр не выявил ничего подозрительного. Я еще раз пожалела, что у меня с собой нет аппаратуры. Полностью исключить вероятность, что номер чист от всякого рода подслушек или подглядок, было

нельзя. О том, в каком номере поселится Хрыкин, знала куча людей. Гарантировать, что кто-нибудь из них не проговорился, не мог бы даже господь бог. А уж если кому-то приспичило подстрелить или как-то иначе устранить Хрыкина, тогда уж подкупить, скажем, ту же горничную – дело техники. Кстати, надо обязательно поговорить с начальником службы безопасности! Информацию о готовящемся покушении принес в клювике не кто-нибудь, а именно он. Вот и надо поинтересоваться: во-первых, из каких источников он выкопал эти сведения, а во-вторых, зачем им понадобился дополнительный сотрудник? Хотя на этот вопрос ответ я, пожалуй, знала. Приезжая в малознакомый город, зная, что на твой объект кто-то открыл охоту, лучше всего заручиться поддержкой местного профи. На всякий случай.

В кармане завибрировал мобильник. Кому я могла понадобиться? Оказывается, по мне соскучился господин директор арт-агентства.

– Слушаю вас, Илья Семенович, – проговорила я, нажав на клавишу ответа.

– Евгения Максимовна, – таинственно зашептал Арчиров, – вы уже закончили?

– В общих чертах – да. А в чем дело? – ответила я, раздражаясь из-за того, что толстяк опять принялся паниковать и дергать меня.

– Хрыкин уже приехал, – продолжал шептать Арчиров. – Он злой, как сто чертей, сейчас занят с прессой, но боюсь, что скоро ему это надоест и он потребует ключ от своего номера, что я ему тогда скажу?

– Скажите, что я проверяю номер на вшивость.

– Вы с ума сошли! – ужаснулся Арчиров. – Хрыкин уже и так сообщил журналистам, что вы на него напали, едва он успел ступить на перрон. Да и писаки эти хороши. Все прекрасно все видели, так им еще комментариев по этому поводу подавай.

– Не волнуйтесь, я уже закончила и спускаюсь, – успокоила я директора и дала отбой. Какой все-таки нервный народ – эти служители муз. Сплошные эмоции!

Брифинг Хрыкин устроил прямо в вестибюле гостиницы. Надо отдать ему должное – с прессой он общаться умел. Вопросов, которые ему задавали журналисты, почти не слушал, говорил убедительно, жестикулировал выверенно. Весь смысл его речей сводился к тому, что коллеги по цеху завидуют его быстрому взлету и стараются по мере возможности навредить ему. Сегодняшнее происшествие на вокзале – яркое тому доказательство. Если верить тому бреду, который нес этот зарвавшийся юнец, я была кем-то подкуплена – для того чтобы скомпрометировать его, Макса Хрыкина, в глазах поклонников его таланта.

– Я уже дал задание начальнику моей службы безопасности, чтобы он разобрался с этой особой, – заявил Хрыкин, заканчивая свое выступление для прессы, после чего, ни с кем не попрощавшись, двинулся к лифту.

– Как вам наш «соловей»? – раздался у меня за спиной чей-то голос. Я резко обернулась. Передо мной стоял, улыбаясь, начальник службы безопасности Хрыкина. Если мне не изменяла память, Арчиров называл его Вадимом. Я даже не заметила, как он подкрался.

– Разговорчивый мальчуган, – сухо ответила я и тут же, не давая ему завладеть инициативой, перешла в наступление: – Могу я с вами поговорить относительно вашего утверждения, что на Хрыкина готовится покушение?

– Можете, – благосклонно разрешил он. – Мы же с вами коллеги. Одно дело делаем.

– Если это – небольшая военная тайна, то откуда же у вас эта информация?

– Давайте хотя бы познакомимся для начала, – игнорируя мой вопрос, предложил тот. – Как вас зовут, я уже слышал, а меня зовут Вадим Сергеевич Галушко. Не хотите чего-нибудь выпить? Говорят, в этой гостинице неплохой бар.

– Знаете, Вадим Сергеевич, – стараясь быть вежливой, ответила я, – во время работы я предпочитаю не пить. Но если вы угостите меня кофе, я не откажусь.

Мы прошли в бар, и Галушко как истинный джентльмен предложил присесть сначала мне. Не понимаю, почему, но он мне был антипатичен. В нем чувствовалась какая-то фальшь.

А весь его лохотный вид вызывал у меня какие-то неприятные ассоциации. Тем не менее мне предстояло работать с ним в паре в течение ближайших нескольких дней. Так что придется потерпеть.

Галушко заказал мне кофе, а себе сто граммов коньяка. Когда бармен выполнил заказ, он отхлебнул глоток напитка и задал вопрос, на который мне уже давно надоело отвечать:

– Давно в нашем бизнесе? Я имею в виду охрану чужих тел.

– Достаточно давно, – уклончиво ответила я, начиная исподтишка рассматривать его.

– Сейчас это модно, – проговорил Вадим Сергеевич. – Молодежь рвется во всякого рода романтические профессии, совершенно не думая, что в нашем деле этой самой романтики не больше, чем в работе, скажем, дворника. Но что самое печальное, так это то, что в телохранители стали рваться девушки. Западное веяние!

– Скорее уж, восточное, – парировала я, отпивая кофе. – Если помните, первые упоминания о женщинах-телохранителях пришли к нам из Китая. Многие правители династии Мин предпочитали иметь в качестве личной императорской охраны молодых девушек. Считалось, что они лучше мужчин справляются со своими обязанностями.

Галушко удивленно вскинул одну бровь.

– А вы неплохо подкованы для выпускника курсов телохранителей. Вы что заканчивали? Педагогический институт или все-таки юридический?

– Так, училась всему понемногу, – уклончиво ответила я. Не рассказывать же первому встречному, что у меня за спиной учеба в закрытой спецшколе под кодовым названием «Воросиловка», плюс неплохая практика в ФСО, где преподавали асы легендарного Девятого управления КГБ. Да мало ли что у меня в жизни было!

– Вы не похожи на профессионального телохранителя, – снова перешел на снисходительный тон Галушко. – Хотите добрый, а главное, совершенно бесплатный совет? Бросайте вы это занятие. Хотя кого у вас в провинции можно охранять?

– Здесь вы правы, – сокрушенно проговорила я, решив подыграть этому столичному хлысту, – совершенно нечего порою делать!

Вадим Сергеевич покровительственно посмотрел на меня:

– Еще раз говорю вам: бросайте вы это гиблое дело. Выходите замуж, рожайте детей и заботьтесь о семье. Лично я считаю, что это единственное призвание и предназначение любой женщины.

Я чуть не поперхнулась. Почти то же самое мне постоянно твердит моя любимая тетюшка Мила. Правда, ей, воспитанной в лучших традициях советского времени, это простительно.

– Да что вы, Вадим Сергеевич, – переходя на доверительный тон, заговорила я. – За кого тут можно выйти замуж? Кого ни возьми – либо алкоголик, либо голодранец. Одно слово – провинция!

Видимо, ему пришлось по душе моя откровенность. Он сочувственно покивал головой, допил коньяк и тут же заказал еще.

– Вы бы поучили провинциалку, как нужно работать, – попросила я, добавляя в голос робости и немного заискивающих ноток. Что ни говори, а мужики ведутся на лесть ничуть не меньше женщин. Особенно если эта лесть грубая и касается их мужских качеств. Галушко не был исключением. После моей просьбы он надулся, как индейский петух, того и гляди, закудахчет.

– Вот, например, откуда вы узнали, что на вашего Хрыкина готовится покушение? – продолжала я гнуть свою линию.

– Это то, что называется профессиональной тайной, – высокопарно заявил Галушко. – Хотя конкретно в данном случае ничего сверхъестественного нет. Максимум начали угрожать еще до того, как мы собрались в это турне. Телефонные звонки, разумеется, анонимные, такие же

письма... Шоу-бизнес, уважаемая Евгения Максимовна, это такой клубок змей, что просто ахнешь, если присмотришься повнимательнее.

– А что, у вашего сюзерена, я имею в виду Макса Хрыкина, так много врагов? – Я опять сделала невинные глаза. – Может, он кому-то должен?

– Финансовыми вопросами у нас занимается Владимир Алексеевич Погорельцов, – ответил Галушко, потягивая коньяк. – Что же касается врагов, то, скажите на милость, у кого их нет? А наш Максик – далеко не ангел. По сути дела, он то, что из него сделали я и Погорельцов...

Нет, все-таки Екатерина Великая была права, утверждая, что ценность мужчины целиком зависит от женщины, которая его направляет. Стоит этой направляющей утратить свое влияние на мужской индивидуум – и его несет по течению со страшной силой.

– Скажите, как вам удастся ладить с Хрыкиным? По-моему, он такой жуткий хам! К тому же совершенно неблагодарный тип. – Я напряглась и выдавила из себя слезу. – Я, можно сказать, рисковала жизнью, отбивала эту чертову петарду, а он на меня наорал, как на девчонку...

Женские слезы действуют на мужчин по-разному. Мне доводилось встречать и таких, которые приходят в ярость от этого проявления женской слабости. Но Галушко отреагировал, как и было надо мне. Из «мудрого» столичного наставника он тут же превратился в самую заботливость:

– Ну, что с вами, Евгения Максимовна? Стоит ли так расстраиваться из-за какого-то малолетнего хама? И потом, у Макса было трудное детство, простите ему его слабости. Хотите, я поговорю с ним и объясню, что он был не прав?

– А это возможно?! – Я мгновенно «высушила глаза». В конце концов, мне предстояло охранять Хрыкина и ссориться с ним с первого дня работы совсем не входило в мои планы. – Боюсь, он не захочет со мной даже разговаривать.

– Не переживайте, я умею на него влиять, – самоуверенно заявил Галушко, допив вторую порцию коньяка. Если он продолжит пить такими же темпами, то через полчаса его можно будет грузить, как дрова.

– А вот, кстати, наш директор, администратор и продюсер в одном лице, – заявил Вадим Сергеевич, указывая на вошедшего в бар мужчину лет сорока с небольшим, моложавого, спортивного телосложения, поджарого. От него за километр веяло уверенностью и дорогим одеколоном. Глядя на него, можно наглядно убедиться, что в нашей стране остались люди, которым не страшен никакой мировой кризис. Подойдя к барной стойке, он заказал стакан сока и только после этого изволил обратить на нас внимание.

– Вадим, – укоризненно проговорил он, – ты опять за старое? Мы же договорились: во время туров дурные привычки бросаем. Кстати, что произошло на вокзале? Мне сказали, что какая-то ненормальная бросилась на Макса? Что за дела?..

– Можешь познакомиться с ней поближе, – быстро вставил Галушко. – Местный телохранитель, Евгения Максимовна Охотникова. Прелестная во всех отношениях дама.

При этих словах я застенчиво улыбнулась, изображая закомплексованную провинциалку. Зато Погорельцов нисколько не смутился от того, что несколько секунд тому назад практически мне же в лицо усомнился в моих умственных способностях.

– Очень приятно, – широко, но как-то заученно улыбнулся он. – Погорельцов, Владимир Алексеевич. Так что случилось на вокзале? Мне такие страсти рассказывали. Хотелось бы узнать из первых, так сказать, уст.

– Да так, ничего особенного, – еще больше «засмущалась» я. – Кто-то пытался бросить Максу букет цветов с петардой, а я вовремя это заметила.

– Вы смелая девушка, – каким-то странным тоном сказал Погорельцов и посмотрел на меня долгим взглядом.

Я этот взгляд выдержала.

– Я слышал, – отводя глаза и принимаясь за сок, опять заговорил Погорельцов, – что Макс из-за этой истории сильно разозлился. Даже накричал на вас. Если вы будете охранять его, вам просто необходимо с ним помириться. Могу выступить посредником. Если, конечно, вы не против.

Что за день такой?! Все просто мечтают помирить меня с Хрыкиным! Самое смешное, что я тоже этого хочу. И вполне искренне. Правда, я преследую при этом свои, весьма меркантильные, цели.

– Вы знаете, Владимир Алексеевич, – размеренно проговорила я, – мне очень хочется, чтобы господин Хрыкин не воспринимал меня как врага. Нам ведь придется несколько дней работать совместно. Но боюсь, что его характер...

– Не беспокойтесь, – не дал мне договорить Погорельцов. – Все заботы по мирным, так сказать, переговорам я беру на себя. – Он быстро допил сок и кивнул мне: – Идемте к Максиму и спокойно уладим все эти недоразумения.

Я поднялась со своего табурета и краем глаза заметила, что Галушко недовольно поморщился. По-видимому, ему не очень-то хотелось покидать бар. Должно быть, Погорельцов тоже заметил это.

– Ты можешь остаться, Вадим, – бросил он небрежно. – Мы с Евгенией Максимовной сами справимся. А с тобой поговорим потом.

Возможно, мне показалось, но на двух последних словах администратор сделал ударение. Интересно, о чем таком секретном они собирались разговаривать? Неужели причина – пьянство Галушко? Вряд ли. Судя по тому, как отреагировал Погорельцов на то, что застукал начальника службы безопасности за рюмкой коньяка, это явление у них – норма. Тогда что же? Инцидент с букетом и петардой? Вполне возможно, но маловероятно. Охрана работала достаточно профессионально. Для того уровня подготовки, разумеется. Основная их ошибка во время сопровождения объекта заключалась в том, что они контролировали пространство в плоскости, а не в объеме. Но таким вещам, насколько я знаю, на полугодичных курсах телохранителей не учат. То ли педагоги не успевают, то ли сами не умеют этого делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.